

РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУР ПОЛУЧЕНИЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ГРАЖДАНСКИМ И КОММЕРЧЕСКИМ ДЕЛАМ В РАМКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Геннадий ЦИРАТ,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права
Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

This article is devoted to analysis of multilateral international treaties on international private law and international civil process in CIS countries that regulate taking evidence abroad in civil and commercial matters as well as definition of peculiarities of such regulation and its comparison with analogous procedures on universal and regional levels.

Key words: judicial assistance, taking of evidence, unification, Member State, Convention.

Аннотация

Данная статья посвящена анализу положений многосторонних международных договоров, действующих в рамках СНГ по вопросам международного частного права и международного гражданского процесса и регулирующих вопросы получения за границей доказательств по гражданским и коммерческим делам, а также определению особенностей такого регулирования по сравнению с регулированием аналогичных процедур на универсальном и региональном уровнях.

Ключевые слова: правовая помощь, получение доказательств, унификация, государство-участник, конвенция.

Постановка проблемы. Отношения, которые возникают в связи с получением за границей доказательств по гражданским и коммерческим делам с участием иностранного элемента, являются объектом регулирования значительного числа международных договоров, двухсторонних договоров о правовой помощи по гражданским делам, региональных и универсальных конвенций. В СНГ действует три многосторонних договора, которые в том числе регулируют вопросы получения доказательств за границей. Каковы подходы, положенные в основу регулирования указанными договорами, в чем они соответствуют общемировым тенденциям и подходам, а чем отличаются.

Актуальность темы исследования. Несмотря на то, что часть рассматриваемых нами международных договоров СНГ действует 20 лет и, казалось бы, все вопросы, связанные с ним, изучены, осмыслены, и им была дана соответствующая оценка, складывается устойчивое впечатление, что остается что-то недосказанное, не до конца выясненное, особенно в свете процессов, которые сегодня охватили все евроазиатское пространство, в контексте реализации Проекта ЕС «Восточное партнерство», проекта России «Таможенный Союз» и борьбы, развернувшейся между ними. Мы вновь и вновь возвращаемся к вопросу, а какую роль играют данные договоры в регулировании различных вопросов международного гражданского процесса на постсоветском пространстве, удовлетворяют ли они потребности современного этапа

развития СНГ и не нуждаются ли они в реформировании или полной замене?

Состояние исследования. Вопросам правового регулирования получения за границей доказательств по гражданским и коммерческим делам посвящено достаточно много исследований, к которым можно отнести работы Марышевой Н.И., Григорьевой О.Г., Петровой М.М., Ходькина Р.М. (Россия), работы Цират Г.А. и др. (Украина), А. фон Меерена, Г. Борна (США), Х. Шаки (Германия) и многих других. Однако вопросам международно-правового регулирования получения доказательств за границей по гражданским и коммерческим делам в рамках СНГ, посвящено несравненно меньше работ, что не может не вызывать озабоченности.

Целью и задачей статьи является проведение сравнительно-правового анализа положений многосторонних международных договоров, действующих в рамках СНГ и регулирующих различные аспекты получения за границей доказательств по гражданским и коммерческим делам, положений Гагской Конвенции 1970 г., Регламента ЕС № 1206/2001, определение на основании данного анализа сходств и различий в подходах к регулированию схожих процедур, оценка таких подходов с точки зрения общих тенденций и закономерностей в международно-правовом регулировании и унификации данных составных частей международного гражданского процесса.

Изложение основного материала. В рамках Содружества независимых

государств, далее СНГ, действует три многосторонних международных договора, предметом регулирования которых являются различные вопросы международного частного права и международного гражданского процесса, в том числе и вопросы сотрудничества в сфере получения за границей доказательств по гражданским и коммерческим делам.

К указанным выше договорам относятся Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г., далее Соглашение 1992 г. [2], Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г., далее Конвенция 1993 г. [1] и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г., далее Конвенция 2002 г. [4], которая была призвана заменить собою Конвенцию 1993 г.

Первые два договора были заключены с целью создания необходимой международно-правовой базы для регулирования отношений между субъектами права новых независимых государств, возникших вследствие распада СССР. В действительности речь шла о «замене» ранее существовавшего единого правового массива, состоявшего из союзного законодательства и законодательства союзных республик, нормами, которые бы разрешали коллизии законов и юрисдикций, т.е. коллизии между национальным правом теперь уже независимых государств, а также регулировали бы вопросы правовой помощи. Наличие же

двух международных договоров было обусловлено существованием в каждом новом независимом государстве дуалистических судебных систем, состоящих из судов общей юрисдикции и арбитражных судов, в компетенцию которых входило рассмотрение хозяйственных споров.

Регулирование процедур получения доказательств Конвенцией 1993 г. В основу регулирования процедур получения доказательств по гражданским, семейным и прочим, за исключением уголовных, делам за границей положена правовая конструкция «международной правовой помощи», которая основывается на признании за каждым государством абсолютного суверенитета в процессуальной сфере, не допускающего или же существенно ограничивающего допуск иностранных государств и их органов к совершению на их территории процессуальных действий, в том числе и в отношении собственных граждан.

Особенностью Конвенции 1993 г. является то, что нормы, регулирующие все виды правовой помощи, в том числе, получение доказательств за границей, помещены в одной ее части – Части II «Правовая помощь», в силу чего многие положения данной части относятся к регулированию как процедур вручения за границей судебных документов, так и процедур получения доказательств за границей, несмотря на то, что указанные процедуры существенно отличаются друг от друга и по правовой природе, и по предмету и характеру регулирования. Данное размещение правовых норм и «параллельное» регулирование одними и теми же нормами двух различных процедур, которые имеют не только много общего, но и существенные различия и особенности, понизило технико-юридическое качество такого регулирования каждой из составных частей.

В международно-правовой практике имеются примеры помещения норм, которые регулируют вручение документов и получение доказательств, в одном многостороннем международном договоре – Гаагской конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 г., но соотвествующие нормы, регулирующие вручение документов и получение доказательств, содержатся в различных разделах данной конвенции, что обуславливает и характерное регулирование. Позднее было признано целесообраз-

ным регулировать указанные процедуры отдельными международными договорами и иными актами унификации, что нашло свое отражение первоначально на универсальном уровне – в Гаагских конвенциях 1965 г. и 1970 г., а позднее и на региональном уровне: в рамках Организации американских государств были приняты Межамериканская конвенция о судебных поручениях 1975 г. и Протокол к ней 1979 г., а также Конвенция о получении доказательств за границей 1975 г. и Протокол к ней 1984 г. В рамках Европейского Союза были приняты Регламенты ЕС № 1393/2007 и № 1206/2001.

Несмотря на то, что Гаагская конвенция 1954 г. остается в силе и продолжает действовать, общепризнанным на сегодня подходом является регулирование указанных процедур отдельными международно-правовыми актами, что дает возможность, прежде всего с технико-юридической точки зрения, наиболее оптимальным образом формировать соответствующие подходы в регулировании данных процедур.

Указанная выше особенность Конвенции 1993 г., которая отличает ее от всех иных актов международно-правового регулирования и унификации данных вопросов, может быть объяснена тем, что при ее подготовке в 1992 – 1993 гг. (а) за основу было взято матрицу двухсторонних договоров о правовой помощи в гражданских, семейных и уголовных делах, которые заключались СССР с другими странами и (б) правовые и судебные системы государств-членов СНГ на момент подготовки текста данной конвенции были практически идентичными.

Регулирование основного способа получения доказательств за границей. В качестве основного способа получения за границей доказательств Конвенция 1993 г. предусматривает способ с использованием механизма международной правовой помощи в форме исполнения иностранных судебных поручений национальными судами запрашиваемого государства [1]. Основными (базовыми) элементами данного способа являются: (а) взятие государствами-участниками взаимных обязательств оказывать друг другу помощь в совершении процессуальных действий на собственной территории в интересах судебных процессов, которые проходят на территории других государств-участников; (б) взаимодей-

ствие между компетентными судами должно осуществляться через национальных посредников, роль которых выполняют т.н. центральные органы, являющиеся, как правило, министерствами юстиции государств-участников; (в) исполнение судебных поручений осуществляются национальными судебными органами с применением собственного национального процессуального права с возможностью применения процессуальных норм запрашивающего государства при наличии соответствующей просьбы с его стороны и возможностью присутствия при исполнении определенного круга лиц.

Можно выделить несколько особенностей, которыми отличается регулирование данного способа нормами Конвенции 1993 г. Во-первых, это касается вопросов применения иностранного процессуального права при исполнении судебного поручения. Конвенция не предусматривает ни права запрашиваемого суда на отказ, ни оснований для отказа в применении иностранных процессуальных норм или положений при исполнении иностранного судебного поручения, как это предусмотрено всеми другими международными договорами. Такое, на наш взгляд, неоднозначное формулирование данной нормы нельзя отнести к достоинствам Конвенции 1993 г., скорее это следует рассматривать как недостаток, так как не достигается главная цель существования Конвенции – создание единообразных, унифицированных правил, которым должны следовать судебные органы всех государств-участников при исполнении судебных поручений. Отсутствие наряду с этим перечня возможных оснований для отказа в удовлетворении просьбы о применении процессуальных норм запрашивающего государства при исполнении судебного поручения также нужно рассматривать как недостаток Конвенции, так это не создает пределов усмотрения судом при разрешении вопроса применения иностранных процессуальных норм.

В отношении возможности присутствия при исполнении судебного поручения «заинтересованных лиц» Конвенция 1993 г. закрепляет в качестве обязанности запрашиваемого органа уведомлять запрашивающий орган и заинтересованных лиц о времени и месте исполнения судебного поручения с тем, чтобы предоставить возможность уча-

занным лицам присутствовать при исполнении данного судебного поручения «в соответствии с законодательством запрашиваемого» государства». Норма пункта 3 статьи 8 Конвенции 1993 г., и особенно та ее часть, которая указывает на то, «чтобы они могли присутствовать при исполнении поручения...», не позволяет однозначно определить, распространяет она свое действие только на «заинтересованные стороны» или также на представителей этих сторон и «запрашивающее учреждение». Для сравнения соответствующие положения Гагской Конвенции 1970 г. [3], которые регулируют аналогичные вопросы, устанавливают разные режимы допуска сторон, их представителей и запрашивающего органа к возможному присутствию при исполнении судебного поручения. При этом для допуска сторон необходим лишь запрос запрашивающего органа, а допуск представителей запрашивающего органа возможен только при наличии предварительного разрешения компетентного органа запрашиваемого государства, если об этом было сделано заявление соответствующим государством-участником.

Если толковать положения пункта 3 статьи 8 Конвенции 1993 г. расширительно, в пользу всех возможных вариантов, то эти положения можно считать более либеральными по сравнению с соответствующими положениями Конвенции 1970 г. Если же их толковать буквально, то можно прийти к выводу, что они ограничивают сферу применения лишь «заинтересованными сторонами». За пределами сферы их действия остались представители запрашивающего судебного органа, лишённые таким образом права присутствовать при совершении процессуальных действий по получению доказательств по собственному же судебному поручению, что ставит их неравное положение по сравнению со сторонами по делу.

Альтернативные или прямые способы получения доказательств. К альтернативным или прямым способам получения доказательств мы относим такие способы, которые основываются не на институте оказания международной правовой помощи, а на допуске иностранных лиц к совершению на территории собственного государства процессуальных действий в интересах иностранного судебного процесса. Из

всего набора альтернативных способов получения доказательств по гражданским и коммерческим делам, которые предусмотрены Гагской конвенцией 1970 г., Панамериканскими конвенциями и Протоколами к ним, а также Регламентом ЕС № 1206/2001, Конвенция 1993 г. предусматривает только один: право на получение доказательств имеют дипломатические представители и консульские агенты запрашивающего государства и только у граждан этого государства, имеющих место нахождения в государстве их аккредитации при условии неприменения принуждения или угрозы такого применения – так, по крайней мере, следует толковать положение п. 2 ст. 12 Конвенции 1993 г., ибо само указанное положение Конвенции 1993 г. вызывает много вопросов, так как сформулировано оно, на наш взгляд, крайне некорректно. Возможно, именно это, явилось причиной существенного изменения редакции аналогичной статьи в Конвенции 2002 г. [4].

Таким образом, Конвенция 1993 г., с одной стороны, закрепляет общепризнанную норму, которая предоставляет право дипломатическим и консульским представителям государств-участников действовать на территории государств их аккредитации с целью получения доказательств у граждан собственного государства, которые находятся на территории этого государства без применения средств принуждения. С другой стороны, Конвенция исключает все иные, известные другим международным конвенциям, прямые (альтернативные) способы получения доказательств. В связи этим возникает вопрос: насколько такое положение дел отвечает современным условиям и уровню взаимного доверия между государствами-участниками Конвенции и членами СНГ? Такой вопрос особенно актуален в свете позиции ведущих государств-участников Конвенций 1993 г. и 2002 г. в отношении применения различных альтернативных способов получения доказательств, из тех, которые предусмотрены Гагской Конвенцией 1970 г.

В 2001 г. с разницей в несколько месяцев три основных государства-участника СНГ (Беларусь, Россия и Украина) присоединились к Гагской Конвенции 1970 г. [5], Армения присоединилась к указанной конвенции в 2012 г. [5]. В соответствии с положениями Конвенции

1970 г. государства имеют право ограничивать или запрещать применение на своей территории способов получения доказательств, предусмотренных ст.ст. 15,16,17 путем подачи заявления при присоединении к данной конвенции. Только Украина, при присоединении к данной конвенции, сделала заявление о запрете применения на своей территории способов получения доказательств, предусмотренных статьями 16 и 17, а Беларусь и Армения сделали заявления, согласно которым оба государства разрешили применение способов, предусмотренных данными статьями конвенции, при условии получения предварительного разрешения и на условиях, которые будут определены компетентными органами этих государств. Россия присоединилась к Конвенции 1970 г. без каких-либо заявлений относительно данного вопроса [5]. Таким образом, указанные выше государства, за исключением Украины, согласились с применением на собственной территории данных прямых способов, что свидетельствует об их принципиально положительной позиции по данному вопросу. Однако в 2001-2002 гг. при подготовке и принятии в рамках СНГ новой Конвенции в ней был полностью сохранен подход, ранее заложенный в Конвенции 1993 г. Следовательно, в отношениях с государствами-участниками Гагской конвенции 1970 г. Армения, Беларусь и Россия разрешают применение указанных способов прямого получения доказательств на их территории, а в отношениях с государствами-участниками СНГ применение таких способов запрещается. Какова логика такого подхода, особенно в свете того, что, например, Конвенция 1970 г. не применяется между Украиной и Россией, так как не было дано взаимного согласия на ее применение, как это предусмотрено статьей 39 указанной конвенции?

Попыткой исправления недостатков определенных положений Конвенции 1993 г. явилась Конвенция 2002 г. [4] Какие положения Конвенции 1993 г., которые посвящены регулированию международной правовой помощи в целом и вопросам получения за границей доказательств в частности были изменены Конвенцией 2002 г.?

К перечню органов, за посредничеством которых судебные поручения должны передаваться от судебных орга-

нов одного государства для их исполнения на территории другого государства, к центральному органу государственных участников, которые были едиными в этом перечне согласно положениям Конвенции 1993 г., Конвенцией 2002 г. были добавлены т.н. «территориальные и другие органы» [4].

Значительно увеличен объем процессуальных действий, которые определяются термином «правовая помощь». Так, к перечню, который содержится в Конвенции 1993 г., добавлено такие виды правовой помощи как «поиск имущества и денежных средств у гражданских ответчиков для исполнения решений по гражданским делам, коммерческим и иным экономическим спорам...» [4]. Увеличен также перечень способов, с помощью которых могут собираться доказательства: с «применением видеосвязи, видеозаписи и других технических средств», уточнены и добавлены некоторые новые требования к порядку оформления и передаче судебных поручений [4].

Существенно изменены положения, касающиеся порядка исполнения судебных поручений и, по нашему мнению, не в лучшую сторону. Это касается правил применения иностранных процессуальных норм и присутствия при исполнении судебного поручения представителей сторон и запрашивающего суда.

Если Конвенцией 1993 г. прямо предусматривалась возможность применения процессуальных норм запрашивающего государства при исполнении иностранного судебного поручения, то Конвенция 2002 г. добавила к этой возможности условие «если оно не противоречит законодательству запрашиваемой Договаривающейся Стороны». При этом запрашивающая Договаривающаяся Сторона может представить текст собственного процессуального закона [4].

Особенным изменениям подвергся пункт 3 статьи 8 Конвенции 1993 г., который касается права на присутствие при осуществлении процессуальных действий при исполнении иностранных судебных поручений. В редакции Конвенции 1993 г. «запрашиваемое учреждение» обязано уведомить как запрашивающее учреждение, так и заинтересованные стороны о времени и месте осуществления процессуальных действий для того, чтобы предоставить им

возможность присутствовать при этом. Конвенция 2002 г. при сохранении общего контекста аналогичной нормы Конвенции 1993 г., (а) не содержит ссылки на необходимость уведомления сторон и (б) упоминает только запрашивающие органы, чтобы «...уполномоченные ими лица могли присутствовать», а также (в) добавляет ... «по согласию учреждения юстиции запрашиваемого государства» [3]. Таким образом, стороны и/или их представители были лишены права присутствовать при исполнении судебных поручений, а право это, подчеркнем, является общепризнанным и закреплено во всех существующих международных договорах по указанным вопросам. К позитивным изменениям можно отнести появление в тексте Конвенции 2002 г. новой статьи, которая посвящена «организации проведения экспертных исследований» [4].

Существенно изменены положения Конвенции 1993 г., которые касаются получения доказательств дипломатическими и консульскими представителями на территории государств их аккредитации. Можно констатировать значительное улучшение юридической техники при изложении соответствующих положений и, на первый взгляд, положения этой статьи в редакции Конвенции 2002 г. в значительной степени претерпели изменения к лучшему. Однако если норма Конвенции 1993 г. закрепляет право дипломатических и консульских представителей одного государства получать доказательства от собственных граждан на территории другого государства, то норма Конвенции 2002 г. (а) закрепляет такое право без упоминания лиц, на которых оно распространяется; (б) содержит ссылку на действующие международные договоры, но не указывает между какими сторонами; (в) в случае отсутствия указанных международных соглашений дает ссылку на «любой другой порядок, который не противоречит законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой они находятся» [4]. Содержание и цель указанных положений Конвенции 2002 г. вызывает в действительности еще больше вопросов, нежели аналогичные нормы Конвенции 1993 г., которые могут стать предметом отдельного исследования.

В целом, подводя итоги рассмотренных изменений и дополнений, которые были внесены Конвенцией 2002 г. в со-

ответствующие положения Конвенции 1993 г., следует признать, что они, во-первых, не носили принципиального характера, что свидетельствовало бы о качестве иного подходе в регулировании вопросов международного гражданского процесса, которые нами рассматриваются; во-вторых, ввиду качества регулирования и, в частности, принимая во внимание опыт регулирования аналогичных вопросов другими международными договорами, некоторые изменения положений Конвенции 1993 г. с большим трудом можно охарактеризовать как позитивные.

Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности 1992 г. также содержит несколько норм, которые регулируют вопросы получения доказательств за границей по делам, на которые оно распространяет свое действие [2]. Такие действия как «заслушивание сторон, свидетелей, экспертов и других лиц» рассматриваются данным Соглашением как составная часть взаимного предоставления правовой помощи и могут осуществляться путем обращения суда, который рассматривает дело, непосредственно к суду другого государства-участника данного Соглашения. При исполнении судебных поручений должны применяться исключительно нормы запрашиваемого государства. Даже краткое знакомство с соответствующими положениями указанного Соглашения, позволяет утверждать, что его положения, посвященные регулированию процедур получения доказательств в хозяйственных делах, не соответствуют ни аналогам в рамках СНГ, ни уровню регулирования указанных вопросов двусторонними международными договорами о правовой помощи, заключенными Украиной с другими государствами и, тем более, не соответствуют уровню регулирования данных вопросов Гаагской конвенцией 1970 г. и Регламентом ЕС № 1206/2001.

Выводы. Рассмотренные нами особенности в регулировании процедур правовой кооперации в вопросах получения доказательств за границей по гражданским и коммерческим делам в рамках СНГ, показывает, во-первых, что в их основе лежат консервативные, или «традиционалистские», подходы, уходящие корнями в практику бывшего СРСР; во-вторых, уровень унификации и регу-

лирования не соответствует ни «мировым» стандартам, ни требованиям практической эффективности в современных условиях интенсификации трансграничных отношений в рамках СНГ. Наличие двух конвенций с различным составом участников и отсутствием принципиальной разницы в регулировании, откровенно «слабое» по качеству регулирования Соглашение 1992 г., разность в подходах ведущих государств-участников СНГ к регулированию схожих процедур на универсальном (Гагская конференция) и региональном (СНГ) уровнях, свидетельствует о серьезных проблемах в международно-правовом регулировании вопросов международного гражданского процесса в рамках СНГ, которые нуждаются в осмыслении и выработке предложений по способам их разрешения с учетом имеющегося мирового опыта и уровня интеграции в рамках СНГ.

Список использованной литературы:

1. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 г., ратифицированная Законом Украины № 240/94-ВР от 10.11.1994 // Офіційний вісник України. – 2005. – № 44 (16.11.2005). – Ст. 2824.
2. Угода про порядок вирішення спорів, пов'язаних із здійсненням господарської діяльності 20.03.1992 р., ратифікована Законом України № 2889-ХІІ від 19.12.1992 // Офіційний вісник України. – 2005. – № 12 (08.04.2005). – Ст. 587.
3. Convention of 18 March 1970 on the Taking of Evidence Abroad in Civil or Commercial Matters [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.hcch.net/index_en.php?act=conventions.text&cid=82.
4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 07.10.2002 [Электронный ресурс] // ЛігаБізнесінформ.
5. Статус Гагской Конвенции 1970 г., заявления и оговорки государств-участников: [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.hcch.net/index_en.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОРРУПЦИОННОГО ПОДКУПА В УКРАИНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Виктор ЦИТРЯК,

ассистент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Национального университета «Одесская юридическая академия»

Summary

The article is focused on the role of legal culture and social-psychological state of society within the system of causes of corruption in contemporary Ukrainian society. The article is also focused on such phenomenon of Ukrainian society as tolerance to corruption-based relations, low level of legal knowledge and legal culture. The functionality of corruption as the ability to respond the specific requirements of the social system – to simplify administrative links, accelerate the adoption of management decisions is emphasized. Certain ways of neutralization of the cultural and socio-psychological factors in order to minimize the risks of corruption are proposed.

Key words: corruption, bribery, bribe, official crimes.

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению роли правовой культуры и социально-психологического состояния общества в системе причин и условий коррупционного подкупа в Украине на современном этапе. Кроме этого анализируются такие свойственные украинскому обществу явления, как толерантность к коррупционным отношениям, низкий уровень правовой грамотности и правовой культуры. Подчеркивается функциональность коррупции как способность удовлетворить определенные требования общественной системы – упростить административные связи, ускорить принятие управленческих решений. Предлагаются отдельные пути нейтрализации действия культурологических и социально-психологических факторов с целью минимизировать коррупционные риски.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, подкуп, служебные преступления.

Постановка проблемы. Несмотря на то, что причины и условия преступности являются одним из устоявшихся элементов предмета криминологической науки, следует констатировать отсутствие единства среди ученых по поводу учения о взаимосвязанности и зависимости преступных проявлений от объективных и субъективных явлений и состояний.

Сложный многовекторный характер детерминации преступности обусловил появление различных школ, направлений и концепций в объяснении преступности, которые пытались дать ответ на вопрос о первопричинах и условиях развития преступной деятельности в зависимости от степени развития общества и государства, доминирующей парадигмы преступности, политической свободы и т. п. Развитие криминологических идей о детерминации преступности и коррупции продолжается.

Не имея целью углубляться во все существующие криминологические концепции детерминации преступности и понимая практическую невоз-

можность универсализации определенной из них, попробуем определить современные особенности детерминации коррупционного подкупа служащих. Речь пойдет в первую очередь о культурологической и социально-психологической группе детерминант указанного явления.

Состояние исследования и выделение нерешенных проблем. Исследованию причин и условий коррупционных отношений вообще и коррупционного подкупа в частности в разные периоды были посвящены труды таких зарубежных и украинских ученых, как П.П. Андрушко, Б.В. Волженкин, В.Н. Дрёмин, А.П. Закалок, Б.В. Здравомыслов, П.А. Кабанов, М.И. Камлык, А.К. Квициния, А.Н. Костенко, В.Ф. Кириченко, Н.П. Кучерявый, М.Д. Лысов, Н.И. Мельник, Е.В. Невмержицкий, А.Б. Сахаров, А.Я. Светлов, Н.И. Хавронюк и многие другие. Однако, учитывая современные характеристики коррупционных отношений в Украине, смещение акцентов в понимании сущности коррупции как сугубо корыстной деятельности – неправомерного полу-